

Дорота Хорчак

Пасхальная мистерия света в "Мастере и Маргарите" Михаила А. Булгакова

Studia Rossica Posnaniensia 27, 115-121

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПАСХАЛЬНАЯ МИСТЕРИЯ СВЕТА В *МАСТЕРЕ*
И *МАРГАРИТЕ* МИХАИЛА А. БУЛГАКОВА

EASTER MYSTERY OF LIGHT IN *MASTER AND MARGARET*
BY MIKHAIL A. BULHAKOV

ДОРОТА ХОРЧАК

ABSTRACT. An important element of the complex structure of M. Bulhakov's composition is light. Its mystery reflects paschal dynamics, i.e. that of Passover, which is depicted in the storm in Jerusalem. All this shows the importance of the events in Jerusalem as well as those in Moscow happening within the context of Joshua's Passover.

Dorota Horczak, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Роман Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита* по праву считается итоговым в богатом творческом наследии писателя. Создавался он на протяжении почти двух послереволюционных десятилетий и, соответственно, впитал в себя не только сложные судьбы своей эпохи, но также и раздумья автора над ролью творческой личности в истории. При этом роман остается наиболее полным художественным воплощением творческих поисков писателя, привлекающих с самого начала внимание широкого круга читателей и литературоведов.

Многосоставная форма романа включает в себе необычное многообразие явлений и фактов. Действие происходит в реальном и ирреальном пространстве и времени, что влияет на сложность и дифференцированность каждой из сюжетных ситуаций. И почти всегда их основным компонентом является свет. Он становится и фоном и главным субъектом действий, свидетелем и комментатором событий одновременно, а также и своеобразным повествователем. Булгаковский свет доминирует как по способу проявления себя и воздействия на людей, так и по своей мистической функции. Таким образом, он участвует непосредственно в структуре и композиции всего произведения, в его неоднородной, полной противоречий картине московского и ершаланмского сверхземного миров, в столкновении божественного и дьявольского, а также ис-

торического времени, пространства и бесконечности, рациональности и таинственности, добра и зла, света и тьмы. Такого рода сопоставление противоположных элементов создает дуалистическую картину мира, в котором свет составляет антиномическую пару вместе с понятиями, сгруппированными семантически вокруг тьмы, и проявляет себя, выделяясь на фоне этой группы.

При всей неоднозначности проявлений света в художественном времени *Мастера и Маргариты* общим для всего романа остается их пасхальный характер. На наш взгляд, это одна из кардинальных проблем Булгаковского романа, указывающая на основной источник творческого мышления его автора. Раскрытие этого источника и служит в романе ершалаимский сюжет, а в нем – явление бури и все сопутствующие ей обстоятельства, которым Булгаков явно придает мистическое освещение.

* * *

Четырнадцатого числа весеннего месяца нисана прокуратору Иудеи Понтию Пилату пришлось определить судьбу подсудимого из Галилеи Иешуа Га-Ноцри. После допроса и встречи с предводителем Санhedрина, около полудня, прокуратор официально утвердил смертный приговор, и немного позже конвой с осужденными направился за город исполнить решение Пилата. Перед казнью осужденных с запада стала приближаться тяжелая грозовая туча. Поглотив солнце, наваливалась на Ершалаим своим „черным дымным брюхом“, она вскипала белой пеной, ворчала и плевала огненными нитями. Сильно потемнело, и как только палач убил разбойников, тьма закрыла город. С неба брызнуло огнем, хлынул ливень и холм погрузился в дымном вареве грозы, воды и огня (с. 165-169)¹. Эту странную тучу принесло со стороны моря. Грозовая туча, определяемая также синонимами „тьма“ и „бездна“, сползла с неба в виде живого существа – грозного дракона. Туча, наступающая на Ершалаим, является враждебной силой. Она перекрывает солнце – источник необходимых для жизни света, тепла, энергии – и тем самым свидетельствует о своем могуществе. Как было упомянуто, гроза пришла с запада, а восток и запад, как две значительные фазы на ежедневном пути солнца, обладают особым метафорическим значением². Первая фаза это начало, откуда приходит все, способствующее жизни. Запад приносит холод уходящего солнца, тьму, упреждение смерти. Гроза действительно

¹ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, Казань 1989.

² M. Lurker, *Słownik obrazów i symboli biblijnych*, Poznań 1989, с. 218-225.

уничтожает свет, как это бывает во время катаклизма: „пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете” (с. 278). Тьма все „пожрала” и осталась единственной господствующей силой. Однако смерть не была последней фазой события бури. Явление бури заключает в себе динамику движения. Опирается оно на схему перехода: из ясного и жаркого света солнца в начале дня через ночь грозы ко вторично восходящему солнцу, создающему новый день. Заново восходящее солнце внушает собой мир внеисторического света, апокалиптического измерения. Свидетельствуют об этом последствия ершалаимского столкновения всех стихий, явно превышающие природное явление. Когда появилось солнце, кипарис, носитель смертного начала, был сломан; убрали черепки разбитого кувшина, как разбитой совести Пилата, исчезла красная лужа его памяти о содеянном, а власть света осталась неизгладимой. Пришествие бестии апокалиптических размеров, с силой похожей на катаклизм, способной уничтожить мир, принесло с собой очищение, *katharsis*, и становилось фазой вертикального движения: из исторического измерения в бессмертное и внеземное пространство света.

Некоторые элементы структуры грозы насыщены многообразием метафорических значений, что способствует не только расширению их роли в плане произведения, но и указанию на сложность действительности, выходящей за рамки романа. К такого рода элементам принадлежит олицетворенная туча – дракон, борьба стихий, тьма и связанная с нею смерть, а также свет солнца в его прямом и символическом значении. Для того, чтобы взглянуть в содержание перечисленных понятий, следовало бы принять во внимание контекст всего *Мастера и Маргариты* и некоторых источников европейской традиции.

Метафору дракона-великана, выходящего из моря, использовала дохристианская и христианская культура. В месопотамской мифологии бестия персонифицировала море как космический океан, окружающий землю. Дракона Тиамат, представляющего силы хаоса и уничтожения, победил бог порядка Мадрук³, благодаря чему вселенная наполнилась миром и гармонией.

На символику бестии, хищного зверя или вообще чудовища нередко ссылались Библия и с ее помощью изображала силы сопротивляющиеся Богу, враждебные человеку. Море было чаще всего средой, контекстом этих сил, можно сказать, их „вселенной” и выступало в библейских сказаниях как неотъемлемый элемент борьбы добра со злом, света с тьмой, Бога с сатаной. Само создание

³ *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев, Москва 1982, с. 505.

космоса, что в переводе с греческого обозначает – „порядок”, „гармония”, совершилось путем отделения от света от тьмы, дня от ночи, моря от суши, благодаря чему и выведения мира из хаоса.

Ссылаясь на образ борьбы положительных сил с бестиями и морем, авторы книг Ветхого Завета указывали на кратковременность власти и жизни „зверя” (Книга Пророка Даниила 7. 2-3, 11-12) и всемогущего Бога (Книга Исая 51.10), который выводит и освобождает человека из „пасти бестии”. Ярким примером этому служит событие чудесного перехода израильтян через Черное море. Бог Яхве преодолел Дракона Морской Бездны, а для своего народа разделил море на две половины и создал благополучный путь (Книга Исхода 14-15). В религиозном смысле интервенция Бога обладает значением сотворения „нового Израиля”, продолжением перспективы эсхатологического будущего, характеризующегося отсутствием моря в новом измерении (Книга Откровения, 21.1.)⁴.

На основе вышепредставленных интерпретаций метафоры бестии и понятий, семантически с ней связанных, в средневековой литературе, особенно в преданиях, образовался вид „дракона”, олицетворяющего грех, зло, дьявола⁵.

Произведение М. Булгакова включается в мир этой символики, созданной традицией: такого рода внушение прослеживается в образе свалившейся на Ершалаим бездны тьмы именно 14 числа месяца нисана – в день, когда духовная столица Израиля начинала торжественно отмечать праздник Пасхи Израиля, т.е. чудесного перехода израильских предков через море. Для евреев, исповедующих веру в Бога Яхве, Пасха была ежегодным воспоминанием упомянутого выше события, как исторического, так и религиозного. Израиль, Избранный Народ, испытавший столь длительное угнетение и несправедливость от египетской власти, благодаря вмешательству Бога совершил путь к Обетованной Земле – Канаану. Кульминационным пунктом всего события был чудесный переход через море ночью с 14 на 15 месяца нисана. Указателем пути и свидетелем присутствия и действия Бога был сопутствующий столб огня. Переход (что из ивритского – пасха) приобрел значение духовной пасхи народа и человека вообще: из ситуации зависимости, несчастья, „моря”, тьмы и смерти к свободе, счастью, свету и жизни, а также из человеческого, исторического, – в божественное, вечное. Уже сам факт, что нисан – это первый месяц года, внушает

⁴ *Słownik teologii biblijnej*, pod red. X. Leon-Dufour, Poznań-Warszawa 1982, с. 507-508.

⁵ W. Kopaliński, *Słownik mitów i tradycji kultury*, Warszawa 1985, с. 1080.

начало какой-то новой действительности. Израиль и в дальнейшей истории использовал структуру пасхи для изображения дела искупления.

В ершаланском сюжете булгаковского романа огонь свечей вводит в пасхальную мистерию, в атмосферу переживания исхода предков. Свет свечей усиливается, охватывает всю столицу и достигает кульминации в двух гигантских пятисвечных храма. Ветхозаветное и ершаланское события объясняют характер вертикального движения: пришествия Бога к человеку и возвышения людей в сферу Бога. Динамике движения, перехода подчиняется в *Мастере и Маргарите* также мистерия жизни и смерти Иешуи. Мистерия эта, реализующаяся в рамках четырнадцатого числа месяца писана, явно входит в смысл и последствия ершаланской пасхи. Иешуа Га-Ноцри, приговоренный к смерти, направляясь к месту казни, совершает восхождение из нижнего города через дворец прокуратора Пилата на Лысую Гору.

Вопреки натуральной последовательности, смерть Иешуи оказалась не конечным, а только переходным этапом к чему-то новому, фазой его пасхи, его жизни.

Солнце, активно участвующее в борьбе с тьмой ершаланской грозы, верно сопутствует Иешуе в день приговора к смертной казни. Оно ярко светит во время следствия, идет с ним на Лысую Гору, достигает зенита в момент приближения его смерти и одновременно с его смертью гаснет, поглощенное тучей, выявляя этапы судьбы Иешуи. Между внутренним миром Га-Ноцри и светом замечается прямая связь: сфера света – добра, выразительности, однозначности отражается в речах и поступках Иешуи. Способ его воздействия также напоминает свет, который, направляя лучи к адресату, делает его самого носителем света. После смерти подследственного из Галилеи провожающее его солнце „вернулось” и стало указателем полной, то есть вневременной и внепространственной жизни философа. Персонаж литературного Иешуи имеет свой прототип в евангельском Инсусе Христе. Иешуа во многом подражает Предшественнику. Беседа в сновидении с Пилатом, он обнаруживает себя уже не только человеком реальным, но и одновременно способным преодолеть власть смерти, тьмы и определять (или обещать) по своей воле место героям булгаковского романа во вневременном измерении. Оставшись живым и непобедимым сквозь смерть, Иешуа совершил движение из горизонтального „плана” в вертикальный, из исторического в эсхатичный и объявил себя Богом. Он вошел в мистирию Пасхи Израиля не только как участник праздника или наследник веры своих предков, но и как дополняющий события. В Иешуе совершается новая

Пасха⁶. Таким образом, „философу” можно придать еще одно имя – Логос, принадлежащее Сыну Божьему – Слову, которое, воплотившись, приняло условия исторического времени. После воскресения существует оно в апокалиптической столице – явится Светом внеисторического Ершаланма и, как свет, завершает день истории.

Такого рода ход размышлений совпадает с христианской традицией, которая для выражения действительности Бога использует метафору солнца и света вообще. Символика света вмещает в себе содержание „дела искупления”, причем восходящее солнце указывает на его начало, т.е. воплощение Логоса. Вечный свет характеризует апокалиптическое исполнение, по словам Книги Откровения, „и ночи не будет там и не будет иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их” (22.5)⁷.

* * *

На фоне явления бури реализуются в ершаланмском сюжете Мистерия Пасхи Иешуа и мистерия света. В московском сюжете *Мастера и Маргариты*, действие которого происходит в булгаковской исторической современности, также наблюдается явление бури. Московская буря по характеру не только похожа на ершаланмскую, но и подчиняется ей как с точки зрения ее размеров, так и с точки зрения символического содержания. Она разрушает реальность столичного города и внутреннего мира человека. Столкновение героев с бурей оставляет следы в их психике и жизни. С событием московской бури связано появление таинственного иностранца (наподобие ершаланмской тучи-дракона), консультанта и профессора черной магии в одном лице, т.е. Воланда. Этот странный персонаж, принадлежащий к какому-то другому свету, способностями превосходит обыкновенного человека и во всех местах своего присутствия вводит ощущение неуверенности, страха, опасности реального бытия. Современный город не был в состоянии защититься перед воздействием иррациональных темных сил. Дьявольская свита прибывает и организует „бал полнолуния”. Во время этого бала Воланд, являющийся, как известно, представителем мира тьмы, принимает честь от своих сторонников. Этот „дух зла и повелитель теней” (по словам Левия Матфея) не смог полностью погрузить Москву в бездну своего мира. В сцене, когда решаются судьбы главных героев – Мастера, Маргариты и Понтия

⁶ *Słownik teologii biblijnej*, ук. соч., с. 207-210.

⁷ D. Forstuer, *Świat symboliki chrześcijańskiej*, Warszawa 1990, с. 94-95.

Пилата, Воланд подчиняется желаниям Матфея – посланника и представителя сферы света, добра, Бога.

Таким образом, Москва, включающая в себя пасху, т.е. переход через тьму, имеет возможность выдвинуться в свет, сфера которого неотъемлемо связана с присутствием воскресшего Иешуи.

Смысл Пасхи Иешуи подчиняется в романе *Мастер и Маргарита* метафоре света: солнечного – в земном начале перехода, и света луны – в вечном измерении продолжения Пасхи. Последствия столкновения Иешуи с тьмой смерти и его победы охватывают как Ершалаим, так и Москву. Прошлое и настоящее направляется на новую световую перспективу в сфере вневременного и внепространственного бессмертия. Лунной дорогой к Свету направляется Понтий Пилат и Мастер с Маргаритой после „прюта в сфере расвета“. Профессор Иван Николаевич Понырев в сновидении получает гарантию, что и в его случае дополнением жизни будет световой финал.

Так в сложных перипетиях судеб булгаковских персонажей всегда реализуется один и тот же принцип, подтверждаемый авторитетом и сверхреальным опытом Воланда: „Все будет правильно, на этом построен мир“ (с. 355).